

like
book

RAY

BRADBURY

Summer Morning,

Summer Night

РЭЙ

БРЭДБЕРИ

Летнее утро,

летняя ночь

МОСКВА

like
book

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
SUMMER MORNING, SUMMER NIGHT

Copyright © 2008 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Елены Петровой*

Оформление серии *Александра Кудрявцева*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Летнее утро, летняя ночь / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. Е. С. Петровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (#правильные_книги).

ISBN 978-5-699-93552-9

«Летнее утро, летняя ночь» — условное продолжение «Вина из одуванчиков», роман в рассказах, где каждая глава — будто короткий и светлый день. Атмосферные и уютные, эти рассказы заставляют застыть в детстве на целое лето.

В мире Рэя Брэдбери дети сталкиваются с каждодневным волшебством, взрослые не стареют, а предметы ведут собственную жизнь. Лето здесь длится круглый год, а утро и ночь сменяются не по солнцу, а по настроению. В этой книге, как и во многих других, Брэдбери стирает грань между реальностью и воображением.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Петрова Елена., перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-93552-9

ООО «Издательство «Э», 2017

Летнее утро,
летняя ночь

Джону Эллеру, с любовью.

Рэй

Текст рассказа «Лето кончилось» основан на версии, отобранной автором для сборника «Вождение вслепую» (1997). Тексты остальных ранее публиковавшихся рассказов, включенных в настоящий сборник, основаны на самых ранних опубликованных вариантах. Я признателен Дэвиду Спичу, моему коллеге по Институту американской философии при Университете штата Индиана, за редактирование этого сборника.

ЛЕТО КОНЧИЛОСЬ

1948

Два. Один. Два. Хэтти замерла в постели, беззвучно считая тягучие, неторопливые удары курантов на здании суда. Под башней пролегли сонные улицы, а эти городские часы, круглые и белые, сделались похожими на полную луну, которая в конце лета неизменно заливала городок ледяным сиянием. У Хэтти зашло сердце.

Она вскочила, чтобы окинуть взглядом пустые аллеи, прочертившие темную, неподвижную траву. На крыльце едва слышно поскрипывало растревоженное ветром кресло-качалка.

Глядя в зеркало, она распустила тугую учительскую кичку, и длинные волосы каскадом заструились по плечам. То-то удивились бы ученики, подумала она, случись им увидеть эти блестящие черные волны. Совсем неплохо, если

тебе уже стукнуло тридцать пять. Дрожащие руки вытащили из комода несколько припрятанных подальше маленьких свертков. Губная помада, румяна, карандаш для бровей, лак для ногтей. Воздушное нежно-голубое платье, как облачко тумана. Стянув невзрачную ночную сорочку, она бросила ее на пол, ступила босыми ногами на грубую материю и через голову надела платье.

Увлажнила капельками духов мочки ушей, провела помадой по нервным губам, оттенила брови, торопливо накрасила ногти.

Готово.

Она вышла на лестничную площадку спящего дома. С опаской взглянула на три белые двери: вдруг распахнутся? Прислонившись к стене, помедлила.

В коридор так никто и не выглянул. Хэтти показала язык сначала одной двери, потом двум другим.

Пока она спускалась вниз, на лестнице не скрипнула ни одна ступенька; теперь путь лежал на освещенное луной крыльцо, а оттуда — на притихшую улицу.

Воздух уже был напоен ночными ароматами

сентября. Асфальт, еще хранивший тепло, согревал ее худые, не знающие загара ноги.

— Как давно я хотела это сделать.

Она сорвала кроваво-красную розу, чтобы воткнуть ее в черные волосы, немного помедлила и обратилась к зашторенным глазницам окон своего дома:

— Никто не догадается, что я сейчас буду делать.

Она покружилась, любуясь своим летящим платьем.

Вдоль череды деревьев и тусклых фонарей бесшумно ступали босые ступни. Каждый куст, каждый забор будто бы представлял перед ней заново, и от этого рождалось недоумение: «Почему же я раньше на такое не отважилась?» Сойдя с асфальта на росистую лужайку, она нарочно помедлила, чтобы ощутить колючую прохладу травы.

Патрульный полицейский, мистер Уолтцер, шагал по Глен-Бэй-стрит, напевая тенорком что-то грустное. Хэтти скользнула за дерево и, прислушиваясь к его пению, проводила глазами широкую спину.

Возле здания суда было совсем тихо, если не считать, что сама она пару раз ударилась пальцами ног о ступени ржавой пожарной лестницы. На верхней площадке, у карниза, над которым серебрился циферблат городских часов, она вытянула вперед руки.

Вот он, внизу — спящий городишко!

Тысячи крыш поблескивали от лунного снега.

Она грозила кулаком и строила гримасы ночному городу. Повернувшись в сторону пригорода, издевательски вздернула подол. Закружилась в танце и безмолвно засмеялась, а потом четыре раза щелкнула пальцами в разные стороны.

Не прошло и минуты, как она с горящими глазами бежала по шелковистым городским газонам.

Теперь перед нею возник дом шепотов.

Притаившись под совершенно определенным окном, она услышала, что из тайной комнаты доносятся два голоса: мужской и женский.

Хэтти оперлась о стену; ее слуха достигали только шепоты, шепоты. Они, как два мотылька, трепетали изнутри, бились об оконное сте-

кло. Потом раздался приглушенный, неблизкий смех.

Хэтти подняла руку к ставням; лицо приняло благоговейное выражение. Над верхней губой проступили бисеринки пота.

— Что это было? — вскрикнул находившийся за стеклом мужчина.

Тут Хэтти, подобно облачку тумана, метнулась в сторону и растворилась в ночи.

Она долго бежала, прежде чем снова задержаться у окна, но уже совсем в другом месте.

В залитой светом ванной комнате — не иначе как это была единственная освещенная комната на весь городок — стоял молодой человек, который, позевывая, тщательно брился перед зеркалом. Черноволосый, голубоглазый, двадцати семи лет от роду, он служил на железнодорожном вокзале и ежедневно брал на работу металлическую коробочку, в которой лежали бутерброды с ветчиной. Промокнув лицо полотенцем, он погасил свет.

Хэтти притаилась под кроной векового дуба — прильнула к стволу, где сплошная паутина да еще какой-то налет. Щелкнул наружный замок, скрипнул гравий под ногами, звякнула металлическая крышка. Когда в воздухе повея-

ло запахами табака и свежего мыла, ей даже не пришлось оборачиваться, чтобы понять: он проходит мимо.

Насвистывая сквозь зубы, он двинулся по улице в сторону оврага. Она — за ним, перебегая от дерева к дереву: то белой вуалью летела за ильмовый ствол, то лунной тенью укрывалась за дубом. В какой-то миг человек обернулся. Она едва успела спрятаться. С бьющимся сердцем выждала. Тишина. Потом опять его шаги.

Он насвистывал «Июньскую ночь».

Радуга огней, укрепленных над краем обрыва, швыряла его собственную тень прямо ему под ноги. Хэтти была на расстоянии вытянутой руки, за вековым каштановым деревом.

Вторично остановившись, он больше не стал оглядываться. Просто втянул носом воздух.

Ночной ветер принес аромат ее духов на другой край оврага, как у нее и было задумано.

Она не шевелилась. Сейчас был не ее ход. Обессилен от бешеного сердцебиения, она прижималась к дереву.

Казалось, битый час он не решался сделать ни шагу. Ей было слышно, как под его ботин-

ками покорно распадается роса. Теплые запахи табака и свежего мыла повеяли совсем близко.

Он коснулся ее запястья. Она не открывала глаз. А он не произнес ни звука.

Где-то в отдалении городские часы пробили три раза.

Его губы бережно и легко накрыли ее рот.

Потом тронули ухо. Он прижал ее к стволу. И зашептал. Вот, оказывается, кто подглядывал к нему в окна три ночи подряд! Он коснулся губами ее шеи. Вот, значит, кто крадучись шел за ним по пятам прошлой ночью! Он взгляделся в ее лицо. Тени густых ветвей мягко легли на ее губы, щеки, лоб, и только глаза, горевшие живым блеском, невозможно было спрятать. Она чудо как хороша — известно ли это ей самой? До недавних пор он считал ее наваждением. Его смех был не громче тайного шепота. Не сводя с нее глаз, он опустил руку в карман. Зажег спичку и поднял на высоту ее лица, чтобы получше разглядеть, но она притянула к себе его пальцы и задержала в своей ладони вместе с погасшей спичкой. Через мгновение спичка упала в росистую траву.

— Пускай,— сказал он.